

И. С. ТУРГЕНЕВ
(1818 – 1883)

БРЕТЁР¹

I

...ий кирасирский² полк квартировал в 1829 году в селе Кириллове, К-ской губернии. Это село с своими избушками и скирдами, зелеными конопляниками и тощими раkitами издали казалось островом среди необозримого моря распаханых черноземных полей. Посреди села находился небольшой пруд, вечно покрытый гусиным пухом, с грязными, изрытыми берегами; во ста шагах от пруда, на другой стороне дороги, высился господский деревянный дом, давно пустой и печально подавшийся набок; за домом тянулся заброшенный сад; в саду росли старые, бесплодные яблони, высокие березы, усеянные вороньими гнездами; на конце главной аллеи, в маленьком домишке (бывшей господской бане) жил дряхлый дворецкий и, покрехтывая да покашливая, каждое утро, по старой привычке, тащился через сад в барские покои, хотя в них нечего было стеречь, кроме дюжины белых кресел, обитых полинялым штофом, двух пузатых комодов на кривых ножках, с медными ручками, четырех дырявых картин и одного черного арапа из алебаstra с отбитым носом. Владелец этого дома, молодой и беспечный человек, жил то в Петербурге, то за границей – и совершенно позабыл о своем поместье. Оно досталось ему лет восемь тому назад от престарелого дяди, известного некогда всему околотку своими отличными наливками. Пустые темно-зеленые бутылки до сих пор еще валялись в кладовой вместе с разным хламом, скупо исписанными тетрадами в пестрых переплетах, старинными стеклянными люстрами, дворянским мундиром времен Екатерины, заржавевшей шпагой с стальной рукояткой и т.д. В одном из флигелей помещался сам полковник, человек женатый, высокого роста, скупой на слова, угрюмый и сонливый. В другом флигеле жил полковой адъютант, чувствительный и раздушенный человек, охотник до цветов и до бабочек. Общество гг. офицеров ...го полка не отличалось от всякого другого общества. В числе их были хорошие и дурные, умные и пустые люди... Между ними некто Авдей Иванович Лучков, штабс-ротмистр, слыл бретером. Лучков был роста небольшого, неказист; лицо имел малое, желтоватое, сухое, волосы жиденькие, черные, черты лица обыкновенные и темные глазки. Он рано остался сиротой, вырос в нужде и загоне. По целым неделям вел он себя тихо... и вдруг – словно бес какой им овладеет – ко всем пристаёт, всем надоедает, всем нагло смотрит в глаза; ну так и напрашивается на ссору. Впрочем, Авдей Иванович не чуждался своих сослуживцев, но в дружбе состоял с одним только раздушенным адъютантом; в карты не играл и не пил вина.

¹ Бретёр – человек, ищущий повода к дуэли, скандалист.

² Кирасир – солдат или офицер гвардейского полка, форменной одеждой которого была кираса – металлический панцирь.

В мае 1829 года, незадолго до начатия учений, прибыл в полк молодой корнет Федор Федорович Кистер, русский дворянин немецкого происхождения, очень белокурый и очень скромный, образованный и начитанный. Он до двадцатилетнего возраста жил в родительском доме под крылышками матушки, бабушки и двух тетюшек; поступил же в военную службу единственно по желанию бабушки, которая даже под старость не могла без волнения видеть белый султан...³ Он служил без особенной охоты, но с усердием, точно и добросовестно исполнял долг свой; одевался не щеголевато, но чисто и по форме. В первый же день своего приезда Федор Федорович явился к начальникам; потом начал устраивать свою квартиру. Он привез с собою дешевенькие обои, коврики, полочки и т.д., оклеил все стены, двери, наделал разных перегородок, велел вычистить двор, перестроил конюшню, кухню, отвел даже место для ванны... Целую неделю хлопотал он; зато любо было потом войти в его комнату. Перед окнами стоял опрятный стол, покрытый разными вещами; в углу находилась полочка для книг с бюстами Шиллера и Гете; на стенах висели ландкарты, четыре греведоновские головки⁴ и охотничье ружье; возле стола стройно возвышался ряд трубок с исправными мундштуками; в сенях на полу лежал коврик; все двери запирались на замок; окна завешивались гардинами. Все в комнате Федора Федоровича дышало порядком и чистотой. То ли дело у других товарищей! К иному едва проберешься через грязный двор; в сенях, за облупившимися парусинными ширмами, храпит денщик⁵; на полу – гнилая солома; на плите – сапоги и донышко банки, залитое ваксой; в самой комнате – покоробленный ломберный стол, исписанный мелом; на столе – стаканы, до половины наполненные холодным темно-бурым чаем; у стены – широкий проломленный, замасленный диван; на окнах – трубочный пепел... На неуклюжем и пухлом кресле восседает сам хозяин в шлафроке травяного цвета с малиновыми плисовыми отворотами и вышитой ермолке азиатского происхождения, а возле хозяина храпит безобразно толстый и негодный пес в вонючем медном ошейнике... Все двери всегда настежь...

Федор Федорович понравился своим новым товарищам. Они его полюбили за добродушие, скромность, сердечную теплоту и природную склонность ко «всему прекрасному» – словом, за все то, что в другом офицере нашли бы, может быть, неуместным. Кистера прозвали красной девушкой и обращались с ним нежно и кротко. Один Авдей Иванович поглядывал на него косо. Однажды, после ученья, Лучков подошел к нему, слегка сжимая губы и расширяя ноздри.

- Здравствуйте, господин Кнастер⁶. Кистер взглянул на него с недоумением.
- Мое почтение, господин Кнастер, – повторил Лучков.
- Меня зовут Кистер, милостивый государь.
- Вот как-с, господин Кнастер.

Федор Федорович обернулся к нему спиной и пошел домой. Лучков с усмешкой посмотрел ему вслед.

На другой день он, тотчас после ученья, опять подошел к Кистеру.

- Ну, как вы поживаете, господин Киндербальзам⁷?

Кистер вспыхнул и посмотрел ему прямо в лицо. Маленькие, желчные глазки Авдея Ивановича засветились злобной радостью.

- Я с вами говорю, господин Киндербальзам!
- Милостивый государь, – отвечал ему Федор Федорович, – я нахожу вашу шутку глупую и неприличную – слышите ли? глупую и неприличную.
- Когда мы деремся? – спокойно возразил Лучков.

³ Султан – украшение на шлеме в виде вертикально укрепленного перьевого или волосяного пучка или гребня.

⁴ ...на стенах висели... четыре греведоновские головки... – А.Греведон – французский художник, портретист и литограф.

⁵ Денщик – солдат, состоявший при офицере в качестве казенной прислуги.

⁶ Кнастер – сорт крепкого курительного табака.

⁷ Киндербальзам – «детский бальзам», сладкая слабая спиртовая настойка, употреблявшаяся как лекарство.

– Когда вы хотите..., хоть завтра.

На другое утро они дрались. Лучков легко ранил Кистера и, к крайнему удивлению секундантов, подошел к раненому, взял его за руку и попросил у него извиненья. Кистер просидел дома две недели; Авдей Иванович несколько раз заходил навестить больного, а по выздоровлении Федора Федоровича подружился с ним. Понравилась ли ему решительность молодого офицера, пробудилось ли в его душе чувство, похожее на раскаянье, – решить мудрено... но со времени поединка с Кистером Авдей Иванович почти не расставался с ним и называл его сперва Федором, потом и Федей. В его присутствии он делался иным человеком, и – странное дело! – не в свою выгоду. Ему не шло быть кротким и мягким. Сочувствия он все-таки возбуждать ни в ком не мог: уж такова была его судьба! Он принадлежал к числу людей, которым как будто дано право власти над другими; но природа отказала ему в дарованиях – необходимом оправдании подобного права. Не получив образования, не отличаясь умом, он не должен был быть разоблачен; может быть, ожесточение в нем происходило именно от сознания недостатков своего воспитания, от желанья скрыть себя всего под одну неизменную личину. Авдей Иванович сперва заставлял себя презирать людей; потом заметил, что их пугнуть нетрудно, и действительно стал их презирать. Лучкову было весело прекращать одним появлением своим всякий не совсем пошлый разговор. «Я ничего не знаю и ничему не учился, да и способностей у меня нет, – думал он про себя, – так и вы ничего не знаете и не выказывайте своих способностей при мне...» Кистер, быть может, потому заставил Лучкова выйти наконец из своей роли, что до знакомства с ним бретер не встретил ни одного человека действительно «идеального», то есть бескорыстно и добродушно занятого мечтами, а потому снисходительного и не самолюбивого.

Бывало, Авдей Иванович придет поутру к Кистеру, закурит трубку и тихонько присядет на кресла. Лучков при Кистере не стыдился своего невежества; он надеялся – и недаром – на его немецкую скромность.

– Ну, что? – начинал он. – Что вчера поделывал? Читал небось, а?

– Да, читал...

– А что ж такое читал? Расскажи-ка, братец, расскажи-ка.

Авдей Иванович до конца придерживался насмешливого тона.

– Читал, брат, «Идиллию» Клейста⁸. Ах, как хорошо! Позволь, я переведу тебе несколько строк. – И Кистер с жаром переводил, а Лучков, наморщив лоб и стиснув губы, слушал внимательно...

– Да, да, – твердил он поспешно, с неприятной улыбкой, – хорошо... очень хорошо... Я, помнится, это читал... хорошо...

– Скажи мне, пожалуйста, – прибавлял он протяжно и как будто нехотя, – какого ты мнения о Людовике Четырнадцатом?

И Кистер пускался толковать о Людовике XIV. А Лучков слушал, многого не понимал вовсе, иное понимал криво... и наконец решился сделать замечание... Его бросало в пот; «Ну, если я совру?» – думал он. И действительно, врал он часто, но Кистер никогда резко не возражал ему: добрый юноша душевно радовался тому, что вот, дескать, в человеке пробуждается охота к просвещению. Увы! Авдей Иванович расспрашивал Кистера не из охоты к просвещению, а так, Бог знает отчего. Может быть, он желал сам удостовериться на деле, какая у него, Лучкова, голова: тупая, что ли, или только необделанная? «А я ведь, в сущности, глуп», – говорил он самому себе не раз с горькой усмешкой и вдруг выпрямлялся весь, нахально и дерзко глядел кругом и злобно улыбался, если замечал, что какой-нибудь товарищ опускал свой взгляд перед его взглядом. «То-то, брат, ученый, воспитанный... – шептал он сквозь зубы, – не хочешь ли... того?»

Господа офицеры недолго толковали о внезапной дружбе Кистера с Лучковым: они привыкли к странностям бретера. «Связался же черт с младенцем!» – говорили они... Кистер повсюду с жаром выхвалял своего нового приятеля: с ним не спорили, потому, что боялись

---

⁸ Читал, брат, «Идиллию» Клейста. – Кистер читал, по всей вероятности, стихотворение немецкого поэта-романтика и драматурга Г. Клейста, с подзаголовком «Идиллия».

Лучкова; сам же Лучков никогда при других не упоминал имени Кистера, но перестал знаться с раздушенным адъютантом.

II

Помещики южной России большие охотники давать балы, приглашать к себе на дом гг. офицеров и выдавать своих дочерей замуж. В десяти верстах от села Кириллова жил именно такой помещик, некто господин Перекатов, владелец четырехсот душ и довольно просторного дома. У него была дочь лет восемнадцати, Машенька, и жена. Ненила Макарьевна. Господин Перекатов служил некогда в кавалерии, но по любви к деревенской жизни, по лени вышел в отставку и начал жить себе потихоньку, как живут помещики средней руки. Ненила Макарьевна происходила не совершенно законным образом от знатного московского барина.

Покровитель ее воспитывал свою Ненилушку весьма, как говорится, тщательно, в собственном доме, но сбыл ее с рук довольно поспешно, по первому востребованию, как ненадежный товар. Ненила Макарьевна была нехороша собой; знатный барин давал за ней всего тысяч десять приданого; она ухватилась за господина Перекатова. Господину Перекатову показалось весьма лестным жениться на барышне воспитанной, умной... ну, да, наконец, все же состоявшей в родстве с знатным сановником. Сановник этот и после брака оказывал супругам свое покровительство, то есть принимал от них в подарок соленых перепелок и говорил Перекатову: «ты, братец», а иногда просто: «ты». Ненила Макарьевна совершенно завладела мужем, хозяйничала и распоряжалась всем именем – весьма, впрочем, умно; во всяком случае гораздо лучше самого господина Перекатова. Она не слишком притесняла своего сожителя, но держала его в руках, сама заказывала ему платье и наряжала его по-английски, как оно и прилично помещику; по ее приказанию господин Перекатов завел у себя на подбородке эспаньолку⁹ для прикрытия большой бородавки, похожей на переспелую малину; Ненила Макарьевна, с своей стороны, объявила гостям, что муж ее играет на флейте и что все флейтисты под нижней губой отпускают себе волосы: ловчее держать инструмент. Господин Перекатов с утра ходил в высоком чистом галстуке, причесанный и вымытый. Впрочем, он был своей судьбой весьма доволен: обедал всегда очень вкусно, делал что хотел и спал сколько мог. Ненила Макарьевна завела, как говорили соседи, у себя в доме «иностранный порядок»: держала мало людей, одевала их опрятно. Честолюбие ее мучило; она хотела попасть хоть в уездные предводительши, но дворяне ...го уезда хоть и наедались у ней всласть, однако ж все-таки выбирали не ее мужа, а то отставного премьер-майора Буркольца, то отставного секунд-майора Бурундюкова. Господин Перекатов казался им чересчур столичной штучкой.

Дочь господина Перекатова, Машенька, с лица походила на отца. Ненила Макарьевна много хлопотала над ее воспитанием. Она хорошо говорила по-французски, играла порядочно на фортепьянах. Она была среднего роста, довольно полна и бела; ее несколько пухлое лицо оживлялось доброй, веселой улыбкой; русые, не слишком густые волосы, карие глазки, приятный голосок – все в ней тихо нравилось, и только. Зато отсутствие жеманства, предрассудков, начитанность, необыкновенная в степной девице, свобода выражений, спокойная простота речей и взглядов невольно в ней поражали. Она развилась на воле; Ненила Макарьевна не стесняла ее.

Однажды поутру, часов в двенадцать, все семейство Перекатовых собралось в гостиную. Муж, в зеленом круглом фраке, высоком клетчатом галстуке и гороховых панталонах с штиблетами, стоял перед окном и с большим вниманием ловил мух. Дочь сидела за пяльцами; ее небольшая, полненькая ручка в черной митенке грациозно и медленно подымалась и опускалась над канвой. Ненила Макарьевна сидела на диване и молча посматривала на пол.

---

⁹ Эспаньолка – короткая, остроконечная бородака.

– Вы послали в ...ий полк приглашение, Сергей Сергеич? – спросила она мужа.

– На сегодняшний вечер? Как же, ма шер, послал. (Ему запрещено было называть ее матушкой.) Как же!

– Совсем нет кавалеров; – продолжала Ненила Макарьевна. – Не с кем танцевать барышням.

Муж вздохнул, как будто отсутствие кавалеров его сокрушало.

– Маменька, – заговорила вдруг Маша, – мсье Лучков приглашен?

– Какой Лучков?

– Он тоже офицер. Он, говорят, очень интересен.

– Как так?

– Да; он собой не хорош и не молод, но его все боятся. Он ужасный дуэлист. (Маменька слегка нахмурила брови.) Я бы очень желала его видеть.

Сергей Сергеевич перебил свою дочку.

– Что тут видеть, душа моя? Ты думаешь, он так и смотрит лордом Байроном? (В то время только что начинали у нас толковать о лорде Байроне.) Пустяки! Ведь и я, душа моя, в кои-то веки слыл забиякой.

Маша посмотрела с изумлением на родителя, засмеялась, потом вскочила и поцеловала его в щеку. Супруга слегка улыбнулась... а Сергей Сергеич не солгал.

– Не знаю, приедет ли этот господин, – промолвила Ненила Макарьевна. – Может быть, и он пожалует.

Дочка вздохнула.

– Смотри не влюбись в него, – заметил Сергей Сергеич. – Я знаю, вы все такие теперь... того... восторженные...

– Нет, – простодушно возразила Маша.

Ненила Макарьевна холодно посмотрела на своего мужа. Сергей Сергеич с некоторым замешательством поиграл часовой цепочкой, взял со стола свою английскую, с широкими полями, шляпу и отправился на хозяйство. Его собака робко и смиренно побежала вслед за ним. Как животное умное, она чувствовала, что и сам хозяин ее не слишком властный человек в доме, и вела себя скромно и осторожно.

Ненила Макарьевна подошла к дочери, тихонько подняла ей голову и ласково посмотрела ей в глаза. «Ты мне скажешь, когда ты влюбишься?» – спросила она.

Маша с улыбкой поцеловала руку матери и несколько раз утвердительно покачала головой.

– Смотри же, – заметила Ненила Макарьевна, погладила ее по щеке и вышла вслед за мужем. Маша прислонилась к спинке кресел, опустила голову на грудь, скрестила пальцы и долго глядела в окно, прищуриив глазки... Легкая краска заиграла на свежих ее щеках; со вздохом выпрямилась она, принялась было шить, уронила иголку, оперла лицо на руку и, легонько покусывая кончики ногтей, задумалась... потом взглянула на свое плечо, на свою протянутую руку, встала, подошла к зеркалу, усмехнулась, надела шляпу и пошла в сад.

В тот же вечер, часов в восемь, начали съезжаться гости. Г-жа Перекатова весьма любезно принимала и «занимала» дам, Машенька – девиц; Сергей Сергеич толковал с помещиками о хозяйстве и то и дело взглядывал на жену. Начали появляться молодые франты, нарочно приехавшие попозже офицеры; наконец вошел сам г-н полковник, в сопровождении своего адъютанта, Кистера и Лучкова. Он представил их хозяйке. Лучков молча поклонился; Кистер пробормотал обычное: «Весьма рад...» Г-н Перекатов подошел к полковнику, крепко пожал ему руку и с чувством посмотрел ему в глаза. Полковник немедленно насупился. Начались танцы. Кистер пригласил Машеньку. В то время процветал еще экосез¹⁰.

– Скажите мне, пожалуйста, – сказала ему Маша, когда, проскакав раз двадцать до конца залы, они стали наконец в первые пары, – отчего ваш приятель не танцует?

---

¹⁰ Экосез – бальный танец.

– Какой приятель?

Маша концом веера указала на Лучкова.

– Он никогда не танцует, – возразил Кистер.

– Зачем же он приехал?

Кистер немного смешался.

– Он желал иметь удовольствие...

Машенька его перебила:

– Вы, кажется, недавно переведены в наш полк?

– В ваш полк, – заметил с улыбкой Кистер, – нет, недавно.

– Вы здесь не скучаете?

– Помилуйте... Я здесь нашел такое приятное общество... а природа!.. – Кистер пустился в описание природы. Маша слушала его, не поднимая головы. Авдей Иванович стоял в углу и равнодушно поглядывал на танцующих.

– Сколько лет господину Лучкову? – спросила она вдруг.

– Лет... лет тридцать пять, я думаю, – возразил Кистер.

– Он, говорят, человек опасный... сердитый, – поспешно прибавила Маша.

– Он немного вспыльчив... но, впрочем, он очень хороший человек.

– Говорят, все его боятся?

Кистер засмеялся.

– А вы?

– Мы с ним приятели.

– В самом деле?

– Вам, вам, вам, – кричали им со всех сторон.

Они встрепенулись и пустились опять скакать боком чрез всю залу.

– Ну, поздравляю тебя, – сказал Лучкову Кистер, подходя к нему после танца, – хозяйская дочь то и дело расспрашивала меня о тебе.

– Неужели? – презрительно возразил Лучков.

– Честный человек! А ведь она очень собой хороша; посмотри-ка.

– А какая из них она? Кистер указал ему Машу.

– А! недурна! – И Лучков зевнул.

– Холодный человек! – воскликнул Кистер и побежал приглашать другую девицу.

Авдею Ивановичу очень понравилось известие, сообщенное Кистером, хоть он и зевнул, и даже громко зевнул. Возбуждать любопытство – сильно льстило его самолюбию; любовь он презирал – на словах... а внутренне чувствовал сам, что трудно и хлопотно заставить полюбить себя. Трудно и хлопотно заставить полюбить себя; но весьма легко и просто прикидываться равнодушным, молчаливым гордецом. Авдей Иванович был дурен собою и немолод; но зато пользовался страшной славой – и, следовательно, имел право рисоваться. Он привык к горьким и безмолвным наслаждениям угрюмого одиночества; не в первый раз обращал он на себя внимание женщин; иные даже старались сблизиться с ним, но он их отталкивал с ожесточенным упрямством; он знал, что не к лицу ему нежность (в часы свиданий, откровений он становился сперва неловким и пошлым, а потом, с досады, грубым до плоскости, до оскорбления); он помнил, что две-три женщины, с которыми он некогда знался, охладели к нему тотчас после первых мгновений ближайшего знакомства и сами с поспешностью удалились от него... а потому он и решился наконец оставаться загадкой и презирать то, в чем судьба отказала ему... Другого презрения люди вообще, кажется, не знают. Всякое откровенное, произвольное, то есть доброе, проявление страсти не шло к Лучкову; он должен был постоянно сдерживать себя, даже когда злился. Одному Кистеру не становилось гадко, когда Лучков заливался хохотом; глаза доброго немца сверкали благородной радостью сочувствия, когда он читал Авдею любимые страницы из Шиллера, а бретер сидел перед ним, понурился головой, как волк...

Кистер танцевал до упаду. Лучков не покидал своего уголка, хмурил брови, изредка украдкой взглядывал на Машу – и, встретив ее взоры, тотчас придавал глазам своим

равнодушное выражение. Маша раза три танцевала с Кистером. Восторженный юноша возбудил ее доверенность. Она довольно весело болтала с ним, но на сердце ей было неловко. Лучков занимал ее.

Загремела мазурка. Офицеры пустились подпрыгивать, топтать каблуками и подбрасывать плечами эполеты; статские тоже топали каблуками. Лучков все не двигался с своего места и медленно следил глазами за мелькающими парами. Кто-то тронул его рукав... он оглянулся; его сосед указывал ему на Машу. Она стояла перед ним, не поднимая глаз, и протягивала ему руку. Лучков сперва посмотрел на нее с недоумением, потом равнодушно снял палаш, бросил шляпу на пол, неловко пробрался между кресел, взял Машу за руку – и пошел вдоль круга, без припрыжек и топаний, как бы нехотя исполняя неприятный долг... У Маши сильно билось сердце.

– Отчего вы не танцуете? – спросила она его наконец.

– Я не охотник, – отвечал Лучков. – Где ваше место?

– Вон там-с.

Лучков довел Машу до ее стула, спокойно поклонился ей, спокойно вернулся в свой угол... но весело в нем шевельнулась желчь.

Кистер пригласил Машу.

– Какой ваш приятель странный!

– А он вас очень занимает... – сказал Федор Федорович, плутовски прищурился свои голубые и добрые глаза.

– Да... он, должно быть, очень несчастлив.

– Он несчастлив? С чего вы это взяли? – И Федор Федорович засмеялся.

– Вы не знаете... Вы не знаете... – Маша важно покачала головой.

– Да как же мне не знать?..

Маша опять покачала головой и взглянула на Лучкова. Авдей Иванович заметил этот взгляд, пожал незаметно плечами и вышел в другую комнату.

III

Прошло несколько месяцев с того вечера. Лучков ни разу не был у Перекатовых. Зато Кистер посещал их довольно часто. Ненила Макарьевна его полюбила, но не она привлекала Федора Федоровича. Маша ему нравилась. Как человек неопытный и невыболтавшийся, он находил большое удовольствие в обмене чувств и мыслей и добродушно верил в возможность возвышенной и спокойной дружбы между молодым человеком и молодой девушкой.

Однажды тройка сытых и резвых лошадок примчала его к дому г-на Перекатова. День был летний, душный и знойный. Нигде ни облака. Синевя неба по краям сгущалась до того, что глаз принимал ее за грозовую тучу. Дом, построенный г-м Перекатовым на летнее жительство с обыкновенной степной предусмотрительностью, был обращен окнами прямо на солнце. Ненила Макарьевна с утра велела затворить все ставни. Кистер вошел в гостиную, прохладную и полумрачную. Свет ложился длинными чертами по полу, короткими и частыми полосками по стенам. Семейство Перекатовых ласково встретило Федора Федоровича. После обеда Ненила Макарьевна отправилась на отдых к себе в спальню; г. Перекатов уместился в гостиной на диване; Маша села подле окна за пьальцы; Кистер против нее. Маша, не раскрывая палец, слегка приложила к нему грудью и подперла голову руками. Кистер начал ей что-то рассказывать; она слушала его без внимания, как будто ждала чего-то, изредка взглядывала на отца и вдруг протянула руку.

– Послушайте, Федор Федорович... да только говорите потише... папенька заснул.

Действительно, г-н Перекатов, по обыкновению, заснул, сидя на диване, закинув голову и раскрыв немного рот.

– Что вам угодно? – с любопытством спросил Кистер.

– Вы будете надо мной смеяться.

– Помилуйте!..

Маша опустила голову, так что только верхняя часть ее лица осталась не закрытой руками, и вполголоса, не без замешательства, спросила Кистера: отчего он никогда не привезет с собой г-на Лучкова? Маша не в первый раз упоминала о нем после бала... Кистер молчал. Маша боязливо выглянула из-за переплетенных пальцев.

– Могу ли я откровенно сказать вам мое мнение? – спросил ее Кистер.

– Отчего же нет? разумеется.

– Мне кажется, Лучков произвел на вас большое впечатление!

– Нет! – отвечала Маша и нагнулась, как бы желая рассмотреть поближе узор; узкая золотая полоска света легла ей на волосы, – нет... но...

– Что: но? – проговорил Кистер с улыбкой.

– Вот видите ли, – сказала Маша и приподняла вдруг голову, так что полоска пришлась ей прямо на глаза, – вот видите ли... он...

– Он вас занимает...

– Ну... да... – сказала Маша с расстановкой, покраснела, отвернула немного голову в сторону и в таком положении продолжала говорить, – в нем есть что-то такое... Ведь вот вы смеетесь надо мной, – прибавила она вдруг, быстро взглянув на Федора Федоровича.

Федор Федорович улыбался самой кроткой улыбкой.

– Я вам все говорю, что только мне вздумается, – продолжала Маша, – я знаю, что вы мой... (она хотела было сказать «друг») хороший приятель.

Кистер наклонился. Маша помолчала и робко протянула ему руку; Федор Федорович почтительно пожал кончики ее пальцев.

– Он, должно быть, большой чудак, – заметила Маша и опять облокотилась на пальцы.

– Чудак?

– Конечно; он меня и занимает как чудак! – хитро прибавила Маша.

– Лучков – благородный, замечательный человек, – с важностью возразил Кистер. – Его не знают у нас в полку, не ценят, видят в нем только наружную сторону. Конечно, он ожесточен, странен, нетерпелив, но сердце у него доброе.

Маша жадно слушала Федора Федоровича.

– Я его привезу к вам. Я скажу ему, что вас бояться нечего, что смешно ему дичиться... Я ему скажу... О! да я уже знаю, что сказать... То есть вы, однако ж, не думайте, чтоб я... – Кистер смешался; Маша тоже смешалась... – Да и, наконец, ведь он только вам так... нравится...

– Ну, конечно, как многие мне нравятся.

Кистер плутовски посмотрел на нее.

– Хорошо, хорошо, – промолвил он с довольным видом, – я вам его привезу...

– Да нет...

– Хорошо, я ж вам говорю, все будет хорошо... Уж я устрою.

– Какой вы... – с улыбкой заметила Маша и погрозила на него. Г-н Перекатов зевнул и открыл глаза.

– А я, кажется, заснул, – пробормотал он с удивлением. Этот вопрос и это удивление повторялись каждый день. Маша с Кистером заговорили о Шиллере.

Однако ж Федору Федоровичу было не совсем ловко; в нем как будто шевельнулась зависть... и он благородно негодовал на себя. Ненила Макарьевна сошла в гостиную. Подали чай. Г-н Перекатов заставил свою собаку прыгнуть несколько раз через палку и объявил потом, что он сам ее всему выучил, причем собака учтиво вертела хвостом, облизывалась и моргала. Когда же наконец зной уменьшился и повеял вечерний ветерок, все семейство Перекатовых отправилось гулять в березовую рощу. Федор Федорович беспрестанно взглядывал на Машу, как бы желая дать ей знать, что он исполнит ее поручение; Маше было и на себя досадно, и весело, и жутко. Кистер вдруг, ни с того ни с сего, заговорил довольно высокопарно о любви вообще, о дружбе... но, заметив наблюдательный и ясный взгляд Ненилы Макарьевны, так же внезапно переменял разговор.

Ярко и пышно зарделась заря. Перед березовой рощей расстился ровный и широкий луг. Маше вздумалось играть в горелки. Явились горничные, лакеи; г-н Перекаатов стал с своей супругой, Кистер с Машей. Горничные бегали с подобострастными и легкими криками; камердинер г-на Перекаатова осмелился разлучить Ненилу Макарьевну с ее супругом; одна горничная почтительно поддалась барину; Федор Федорович не расставался с Машей. Всякий раз, становясь на свое место, он ей говорил два-три слова; Маша, вся раскрасневшаяся от бега, с улыбкой слушала его, проводила рукой по волосам. После ужина Кистер уехал.

Ночь была тихая, звездная. Кистер снял фуражку. Он волновался; ему слегка щемило горло. «Да, – сказал он наконец, почти вслух, – она его любит; я сблизю их; я оправдаю ее доверенность». Хотя еще ничто не доказывало явного расположения Маши к Лучкову, хотя, по собственным ее словам, он только возбуждал ее любопытство, но Кистер успел уже сочинить себе целую повесть, предписать себе свою обязанность. Он решился пожертвовать своим чувством – тем более что «пока, кроме искренней привязанности, я ничего ведь не ощущаю», – думал он. Кистер действительно был в состоянии принести себя в жертву дружеству, признанному долгу. Он много читал и потому воображал себя опытным и даже проницательным; он не сомневался в истине своих предположений; он не подозревал, что жизнь бесконечно разнообразна и не повторяется никогда. Понемногу Федор Федорович пришел в восторг. Он с умилением начал думать о своем призвании. Быть посредником между любящей робкой девушкой и человеком, может быть, только потому ожесточенным, что ему ни разу в жизни не пришлось любить и быть любимым; сблизить их, растолковать им их же собственные чувства и потом удалиться, не дав никому заметить величия своей жертвы, – какое прекрасное дело! Несмотря на прохладу ночи, лицо доброго мечтателя пылало...

На другой день он рано поутру отправился к Лучкову. Авдей Иванович, по обыкновению, лежал на диване и курил трубку. Кистер поздоровался с ним.

– Я был вчера у Перекаатовых, – сказал он с некоторою торжественностью.

– А! – равнодушно возразил Лучков и зевнул.

– Да. Они прекрасные люди.

– В самом деле?

– Мы говорили о тебе.

– Много чести; с кем это?

– С стариками... и с дочерью.

– А! с этой... толстенькой?

– Она прекрасная девушка, Лучков.

– Ну да, все они прекрасны.

– Нет, Лучков, ты ее не знаешь. Я еще не встречал такой умной, доброй и чувствительной девицы.

Лучков запел в нос: «В гамбургской газете не ты ли читал, как в запрошлом лете Миних побеждал...»

– Да я ж тебе говорю...

– Ты в нее влюблен, Федя, – насмешливо заметил Лучков.

– Совсем нет. И не думал.

– Федя, ты в нее влюблен!

– Что за вздор! Будто уж нельзя...

– Ты в нее влюблен, друг ты мой сердечный, таракан запечный, – протяжно запел Авдей Иванович.

– Эх, Авдей, как тебе не стыдно! – с досадой проговорил Кистер.

Со всяким другим Лучков тут-то и запел бы пуще прежнего: Кистера он не дразнил.

– Ну, ну, шпрехен зи дейч, Иван Андреич¹¹, – проворчал он вполголоса, – не сердись.

---

¹¹ Ну, ну, шпрехен зи дейч, Иван Андреич... – «...вы говорите по-немецки, Иван Андреич?» Эта обывательско-чиновничья поговорка была введена в литературу Н.В.Гоголем.

– Послушай, Авдей, – с жаром заговорил Кистер и сел подле него. – Ты знаешь, я тебя люблю. (У Лучкова покривилось лицо.) Но одно мне в тебе, признаюсь, не нравится... именно то, что ты ни с кем знаться не хочешь, все дома сидишь, всякого сближения с хорошими людьми избегаешь. Ведь, наконец, есть же хорошие люди! Ну, положим, ты был обманут в жизни, ожесточился, что ли; не бросайся на шею каждому, но почему же тебе всех отвергать? Ведь этак ты и меня, пожалуй, когда-нибудь прогонишь. Лучков хладнокровно продолжал курить.

– Оттого-то тебя никто и не знает... кроме меня; иной, пожалуй, Бог весть что о тебе думает... Авдей! – прибавил Кистер после небольшого молчания, – ты в добродетель не веришь, Авдей?

– Как не верить... верю... – проворчал Лучков. Кистер с чувством пожал ему руку.

– Мне хочется, – продолжал он тронутым голосом, – примирить тебя с жизнью. Ты у меня повеселеешь, расцветешь... именно расцветешь. Как я-то буду рад тогда! Только ты мне позволь распоряжаться иногда тобою, твоим временем. У нас сегодня – что? понедельник... завтра вторник... в среду, да, в среду мы с тобой поедем к Перекатовым. Они тебе так рады будут... и мы там весело время проведем... А теперь дай мне трубочку выкурить.

Авдей Иванович недвижно лежал на диване и глядел в потолок. Кистер закурил трубку, подошел к окну и стал барабанить пальцами по стеклам.

– Так говорили обо мне? – спросил вдруг Авдей.

– Говорили, – значительно возразил Кистер.

– Что ж такое говорили?

– Ну, уж говорили. Весьма желают с тобой познакомиться.

– Кто же именно?

– Вишь, какой любопытный!

Авдей кликнул слугу и приказал седлать себе лошадь.

– Куда ты?

– В манеж.

– Ну, прощай. Так едем, что ли, к Перекатовым?

– Едем, пожалуй, – лениво проговорил Лучков и потянулся.

– Молодец! – воскликнул Кистер и вышел на улицу, задумался и глубоко вздохнул.

IV

Маша подходила к дверям гостиной, когда доложили о приезде гг. Кистера и Лучкова. Она тотчас вернулась в свою комнату, подошла было к зеркалу... Ее сердце сильно билось. Девушка пришла позвать ее в гостиную. Маша выпила немного воды, остановилась раза два на лестнице и, наконец, сошла вниз. Г-на Перекатова дома не было. Ненила Макарьевна сидела на диване; Лучков сидел на кресле в мундире, с шляпой на коленях; Кистер возле него. Оба они приподнялись при входе Маши – Кистер с обычной дружелюбной улыбкой, Лучков с торжественным и натянутым видом. Она с смущением поклонилась им и подошла к матери. Первые десять минут прошли благополучно. Маша отдохнула и начала понемногу наблюдать за Лучковым. Он отвечал на расспросы хозяйки коротко, но беспокойно; он робел, как все самолюбивые люди. Ненила Макарьевна предложила гостям погулять по саду, а сама вышла только на балкон. Она не почитала необходимою не спускать глаз с дочки и ковылять за нею всюду с толстым ридикюлем в руках по примеру многих степных матерей. Прогулка продолжалась довольно долго. Маша говорила больше с Кистером, но не смела взглянуть ни на него, ни на Лучкова. Авдей Иванович с ней не заговаривал; в голосе Кистера заметно было волнение. Он что-то много смеялся и болтал... Они подошли к речке. В сажени от берега росла водяная лилия и словно покоилась на гладкой поверхности воды, устланной широкими и круглыми листьями. – Какой красивый цветок! – заметила Маша. Не успела она

выговорить этих слов, как уже Лучков вынул палаш¹², ухватился одной рукой за тонкие ветки ракиты и, нагнувшись всем телом над водой, сшиб головку цветка. «Здесь глубоко, берегитесь!» – с испугом вскрикнула Маша. Лучков концом палаша пригнал цветок к берегу, к самым ее ногам. Она наклонилась, подняла цветок и с нежным, радостным удивлением поглядела на Авдея. «Браво!» – закричал Кистер. «А я не умею плавать...» – отрывисто проговорил Лучков. Это замечание не понравилось Маше. «Зачем он это сказал?» – подумала она.

Лучков с Кистером остались у г-на Перекатова до вечера. Что-то новое, небывалое происходило в душе Маши; задумчивое недоумение изображалось не раз на лице ее. Она как-то двигалась медленнее, не вспыхивала от взглядов матери, – напротив, сама как будто их искала, как будто сама вопрошала ее. В продолжение всего вечера Лучков оказывал ей какое-то неловкое внимание; но даже эта неловкость нравилась ее невинному тщеславию. Когда ж они оба уехали с обещанием побывать опять на днях, она тихонько пошла в свою комнату и долго, как бы с изумлением, глядела кругом. Ненила Макарьевна пришла к ней, поцеловала и обняла ее, по обыкновению. Маша раскрыла губы, хотела было заговорить с матерью – и не сказала ни слова. Она и хотела признаться, да не знала в чем. В ней тихо бродила душа. На ночном столике, в чистом стакане, лежал на воде цветок, сорванный Лучковым. Уж в постели, Маша приподнялась осторожно, оперлась на локоть, и ее девственные губы тихо прикоснулись белых и свежих лепестков...

– Ну, что? – спросил на другой день Кистер своего товарища, – нравятся тебе Перекатовы? Прав я был? а? скажи!

Лучков не отвечал.

– Нет, скажи, скажи.

– А право, не знаю.

– Ну полно!

– Эта... как бишь ее зовут... Машенька – ничего, недурна.

– Ну, вот видишь... – сказал Кистер и замолчал. Дней через пять Лучков сам предложил Кистеру съездить к Перекатовым. Один он бы к ним не поехал; в отсутствие Федора Федоровича ему бы пришлось вести разговор, а этого он не умел и избегал по возможности.

Во второй приезд обоих друзей Маша была гораздо развязнее. Она теперь втайне радовалась тому, что не обеспокоила маменьки непрошеным признанием. Авдей перед обедом вызвался сесть на молодую, необъезженную лошадь и, несмотря на ее бешеные скачки, укротил ее совершенно. Вечером он было расхотелся, пустился шутить и хохотать – и хотя скоро опомнился, однако ж успел произвести мгновенное неприятное впечатление на Машу. Она сама еще не знала, какое именно чувство в ней возбуждал Лучков, но все, что в нем ей не нравилось, приписывала она влиянию несчастий, одиночества.

V

Приятель начали часто посещать Перекатовых. Положение Кистера становилось более и более тягостным. Он не раскаивался... нет, но желал по крайней мере сократить время своего искусства. Привязанность его к Маше увеличивалась с каждым днем; она сама к нему благоволила; но быть все только посредником, наперсником, даже другом – такое тяжелое, неблагодарное ремесло! Холодно-восторженные люди много толкуют о святости страданий, о блаженстве страданий... но теплому, простому сердцу Кистера они не доставляли никакого блаженства. Наконец однажды, когда Лучков, уже совсем одетый, зашел за ним и коляска подъехала к крыльцу, – Федор Федорович, к изумлению приятеля, объявил ему напрямик, что остается дома. Лучков просил, досадовал, сердился... Кистер отговорился головной болью. Лучков отправился один.

Бретер во многом изменился в последнее время. Товарищей он оставлял в покое, к

---

¹² *Палаш* – рубяще-колющее клинковое холодное оружие.

новичкам не приставал и хотя не расцвел душою, как предсказал ему Кистер, однако действительно поуспокоился. Его и прежде нельзя было назвать разочарованным человеком – он почти ничего не видал и не испытал, – и потому не диво, что Маша занимала его мысли. Впрочем, сердце его не смягчилось; только желчь в нем угомонилась. Чувства Маши к нему были странного рода. Она почти никогда не глядела ему прямо в лицо; не умела разговаривать с ним... Когда ж им случалось оставаться вдвоем, Маше становилось страх неловко. Она принимала его за человека необыкновенного и робела перед ним, волновалась, воображала, что не понимает его, не заслуживает его доверенности; безотрадно, тяжело – но беспрестанно думала о нем. Напротив, присутствие Кистера облегчало ее и располагало к веселости, хотя не радовало ее и не волновало; с ним она могла болтать по часам, опираясь на руку его, как на руку брата, дружелюбно глядела ему в глаза, смеялась от его смеха – и редко вспоминала о нем. В Лучкове было что-то загадочное для молодой девушки: она чувствовала, что душа его темна, «как лес», и силилась проникнуть в этот таинственный мрак... Так точно дети долго смотрят в глубокий колодезь, пока разглядают наконец на самом дне неподвижную, черную воду.

При входе Лучкова, одного, в гостиную Маша сперва испугалась... но потом обрадовалась. Ей уже не раз казалось, что между Лучковым и ею существует какое-то недоразумение, что он до сих пор не имел случая высказаться. Лучков сообщил причину отсутствия Кистера; старики изъявили свое сожаление; но Маша с недоверчивостию глядела на Авдея и томилась ожиданием. После обеда они остались одни; Маша не знала, что сказать, села за фортепьяно; пальцы ее торопливо и трепетно забегали по клавишам; она беспрестанно останавливалась и ждала первого слова... Лучков не понимал и не любил музыки. Маша заговорила с ним о Россини (Россини только что входил тогда в моду), о Моцарте... Авдей Иванович отвечал: «да-с, нет-с, как же-с, прекрасно», – и только. Маша заиграла блестящие вариации на россиниевскую тему. Лучков слушал, слушал... и когда наконец она обратилась к нему, лицо его выражало такую нелицемерную скуку, что Маша тотчас же вскочила и захлопнула фортепьяно. Она подошла к окну и долго глядела в сад; Лучков не трогался с места и все молчал. Нетерпение начинало сменять робость в душе Маши. «Что ж? – думала она, – не хочешь... или не можешь?» Очередь робеть была за Лучковым. Он ощущал опять обычную томительную неуверенность: он уже злился!.. «Черт же меня дернул связаться с девчонкой», – бормотал он про себя... А между тем как легко было в это мгновение тронуть сердце Маши! Что бы ни сказал такой необыкновенный, хотя и странный человек, каким она воображала Лучкова, – она бы все поняла, все извинила, всему бы поверила... Но это тяжелое, глупое молчание! Слезы досады навертывались у ней на глаза. «Если он не хочет объясниться, если я точно не стою его доверенности, зачем же ездит он к нам? Или, может быть, я не умею заставить его высказаться?..» И она быстро обернулась и так вопросительно, так настойчиво взглянула на него, что он не мог не понять ее взгляда, не мог долее молчать...

– Марья Сергеевна, – произнес он, запинаясь, – я... у меня... я вам должен что-то сказать...

– Говорите, – быстро возразила Маша.

Лучков нерешительно посмотрел кругом.

– Я теперь не могу...

– Отчего же?

– Я бы желал поговорить с вами... наедине...

– Мы и теперь одни.

– Да... но... здесь в доме.

Маша смутилась... «Если я откажу ему, – подумала она, – все кончено...» Любопытство погубило Еву...

– Я согласна, – сказала она наконец.

– Когда же? Где?

Маша дышала быстро и неровно.

- Завтра... вечером. Вы знаете рожицу над Долгим Лугом?..
- За мельницей? Маша кивнула головой.
- В котором часу?
- Ждите...

Больше она не могла ничего выговорить; голос ее перервался... она побледнела и проворно вышла из комнаты.

Через четверть часа г-н Перекаатов, с свойственной ему любезностью, провожал Лучкова до передней, с чувством жал ему руку и просил «не забывать»; потом, отпустив гостя, с важностью заметил человеку, что не худо бы ему остричься, – и, не дождавшись ответа, с озабоченным видом вернулся к себе в комнату, с тем же озабоченным видом присел на диван и тотчас же невинно заснул.

– Ты что-то бледна сегодня, – говорила Ненила Макарьевна своей дочери вечером того же дня. – Здорова ли ты?

– Я здорова, маменька.

Ненила Макарьевна поправила у ней на шее косынку.

– Ты очень бледна; посмотри на меня, – продолжала она с той материнской заботливостью, в которой все-таки слышится родительская власть, – ну, вот и глаза твои невеселы. Ты нездорова, Маша.

– У меня голова немного болит, – сказала Маша, чтоб как-нибудь отделаться.

– Ну вот, я знала, – Ненила Макарьевна положила ладонь ко лбу Маши, – однако жару в тебе нет.

Маша нагнулась и подняла с полу какую-то нитку. Руки Ненилы Макарьевны тихо легли вокруг тонкого стана Маши.

– Ты что-то как будто бы мне сказать хочешь, – ласково проговорила она, не распуская рук. Маша внутренне вздрогнула.

– Я? нет, маменька.

Мгновенное смущение Маши не ускользнуло от родительского внимания.

– Право, хочешь... Подумай-ка.

Но Маша успела оправиться и вместо ответа со смехом поцеловала руку матери.

– И будто нечего тебе сказать мне?

– Ну право же, нечего.

– Я тебе верю, – возразила Ненила Макарьевна после непродолжительного молчания. – Я знаю, у тебя нет ничего от меня скрытного... Не правда ли?

– Конечно, маменька.

Маша, однако ж, не могла не покраснеть немного.

– И хорошо делаешь. Грешно было бы тебе скрываться от меня... Ты ведь знаешь, как я тебя люблю, Маша.

– О да, маменька!

И Маша прижалась к ней.

– Ну, полно, довольно. (Ненила Макарьевна прошла по комнате.) Ну, скажи же мне, – продолжала она голосом человека, который чувствует, что вопрос его не имеет никакого особенного значения, – о чем ты сегодня разговаривала с Авдеем Ивановичем?

– С Авдеем Ивановичем? – спокойно повторила Маша. – Да так, обо всем...

– Что, он тебе нравится?

– Как же, нравится.

– А помнишь, как ты желала с ним познакомиться, как волновалась?

Маша отвернулась и засмеялась.

– Какой он странный! – добродушно заметила Ненила Макарьевна.

Маша хотела было заступиться за Лучкова, да прикусила язычок.

– Да, конечно, – проговорила она довольно небрежно, – он чудак, но все же он хороший человек!

– О да!.. Что Федор Федорыч не приехал?

– Видно, нездоров. Ах, да! кстати: Федор Федорыч хотел мне подарить собачку... Ты мне позволишь?

– Что? принять его подарок?

– Да.

– Разумеется.

– Ну, благодарствуй, – сказала Маша, – вот благодарствуй!

Ненила Макарьевна дошла до двери и вдруг вернулась назад.

– А помнишь ты свое обещание, Маша?

– Какое?

– Ты мне хотела сказать, когда влюбишься.

– Помню.

– Ну, что ж?.. Еще не время? (Маша звонко рассмеялась.) Посмотри-ка мне в глаза.

Маша ясно и смело взглянула на свою мать.

«Не может быть! – подумала Ненила Макарьевна и успокоилась. – Где ей меня обмануть!.. И с чего я взяла?.. Она еще совершенный ребенок...»

Она ушла...

«А ведь это грех», – подумала Маша.

VI

Кистер лег уже спать, когда Лучков вошел к нему в комнату. Лицо бретера никогда не выражало одного чувства; так и теперь: притворное равнодушие, грубая радость, сознание своего превосходства... множество различных чувств разыгрывалось в его чертах.

– Ну, что? ну, что? – торопливо спросил его Кистер.

– Ну, что! Был. Тебе кланяются.

– Что? они все здоровы?

– Что им делается!

– Спрашивали, отчего я не приехал?

– Спрашивали, кажется.

Лучков поглядел в потолок и запел фальшиво. Кистер опустил глаза и задумался.

– А ведь вот, – хриплым и резким голосом промолвил Лучков, – вот ты умный человек, ты ученый человек, а ведь тоже иногда, с позволения сказать, дичь порешь.

– А что?

– А вот что. Например, насчет женщин. Ведь уж как ты их превозносишь! Стихи о них читаешь! Все они у тебя ангелы... Хороши ангелы!

– Я женщин люблю и уважаю, но...

– Ну, конечно, конечно, – перебил его Авдей. Я ведь с тобой не спорю. Где мне! Я, разумеется, человек простой.

– Я хотел сказать, что... Однако почему ты именно, сегодня... именно теперь... заговорил о женщинах?

– Так! – Авдей значительно улыбнулся.

– Так! – Кистер пронзительно поглядел на своего приятеля. Он подумал (чистая душа!), что Маша дурно с ним обошлась; пожалуй, помучила его, как одни женщины умеют мучить.

– Ты огорчен, мой бедный Авдей; признайся...

Лучков расхохотался,

– Ну, огорчаться мне, кажется, нечем, – промолвил он с расстановкой, самодовольно разглаживая усы. – Нет, вот видишь ли что, Федя, – продолжал он тоном наставника, – я хотел тебе только заметить, что ты насчет женщин ошибаешься, друг мой. Поверь мне, Федя, они все на одну стать. Стоит похлопотать немного, повертеться около них – и дело в шляпе. Вот хоть бы Маша Перекатова...

– Ну!

Лучков постучал ногой об пол и покачал головой.

– Кажется, что во мне такого особенного и привлекательного, а? Кажется, ничего. Ведь ничего? А вот завтра мне назначено свиданье.

Кистер приподнялся, оперся на локоть и с изумлением посмотрел на Лучкова.

– Вечером, в роще... – спокойно продолжал Авдей Иванович. – Но ты не думай чего-нибудь такого. Я только так. Знаешь – скучно. Девочка хорошенькая... ну, думаю, что за беда? Жениться-то я не женюсь... а так, тряхну стариной. Бабиться не люблю – а девчонку потешить можно. Вместе послушаем соловьев. Это – по-настоящему, твое дело; да, вишь, у этого бабья глаз нету. Что я, кажись, перед тобой?

Лучков говорил долго. Но Кистер его не слушал. У него голова пошла кругом. Он бледнел и проводил рукою по лицу. Лучков покачивался в креслах, жмурился, потягивался – и, приписывая ревности волнение Кистера, чуть не задыхался от удовольствия. Но Кистера мучила не ревность: он был оскорблен не самим признанием, но грубой небрежностью Авдея, его равнодушным и презрительным отзывом о Маше. Он продолжал пристально глядеть на бретера – и, казалось, в первый раз хорошенько рассмотрел его черты. Так вот из чего хлопотал он! Вот для чего жертвовал собственной склонностью! Вот оно, благодатное действие любви!

– Авдей... разве ты ее не любишь? – пробормотал он наконец.

– О невинность! о Аркадия! – с злобным хохотом возразил Авдей.

Добрый Кистер и тут не поддался: «Может быть, – думал он, – Авдей злится и “ломается” по привычке... он не нашел еще новых слов для выражения новых ощущений. Да и в нем самом – в Кистере – не скрывается ли другое чувство под негодованием? Не оттого ли так неприятно поразило его признание Лучкова, что дело касалось Маши? Почему знать, может быть, Лучков действительно в нее влюблен... Но нет! нет! тысячу раз нет! Этот человек влюблен?... Гадок этот человек с своим желчным и желтым лицом, с своими судорожными и кошачьими движениями, с приподнятым от радости горлом... гадок! Нет, не такими словами высказал бы Кистер преданному другу тайну любви своей... В избытке счастья, с немимым восторгом, с светлыми, обильными слезами на глазах прижался бы он к его груди...»

– Что, брат? – говорил Авдей, – не ожидал, признайся? и теперь самому досадно? а? завидно? признайся, Федя! а? а? Ведь из-под носу подтибрил у тебя девчонку!

Кистер хотел было высказаться, но отвернулся лицом к стене. «Объяснять... перед ним? Ни за что! – шептал он про себя. Он меня не понимает... пусть! Он предполагает во мне одни дурные чувства – пусть!..»

Авдей встал.

– Я вижу, ты спать хочешь, – проговорил он с притворным участием, – я тебе не хочу мешать. Спи спокойно, друг мой... спи!

И Лучков вышел, весьма довольный собою.

Кистер не мог заснуть до зари. Он с лихорадочным упрямством перевертывал и передумывал одну и ту же мысль – занятие, слишком известное несчастным любовникам; оно действует на душу, как мехи на тлеющий уголь.

«Если даже, – думал он, – Лучков к ней равнодушен, если она сама бросилась ему на шею, все-таки не должен он был даже со мной, с своим другом, так непочтительно, так обидно говорить о ней! Чем она виновата? Как не пожалеть бедной, неопытной девушки?

Но неужели она ему назначила свидание? Назначила – точно назначила. Авдей не лжет; он никогда не лжет. Но, может быть, это в ней так, одна фантазия...

Но она его не знает... Он в состоянии, пожалуй, оскорбить ее. После сегодняшнего дня я ни за что не отвечаю... А не сами ли вы, господин Кистер, его расхваливали и превозносили? Не сами ли вы возбудили ее любопытство?... Но кто ж это знал? Кто это мог предвидеть?..

Что предвидеть? Давно ли он перестал быть моим другом?... Да полно, был ли он когда моим другом? Какое разочарование! Какой урок!»

Все прошедшее вихрем крутилось перед глазами Кистера. «Да, я его любил, –

прошептал он наконец. Отчего же я разлюбил его? Так скоро?.. Да разлюбил ли я его? Нет, отчего полюбил я его? Я один?»

Любящее сердце Кистера оттого именно и привязалось к Авдею, что все другие его чуждались. Но добрый молодой человек не знал сам, как велика его доброта.

«Мой долг, – продолжал он, – предупредить Марью Сергеевну. Но как? Какое право имею я вмешиваться в чужие дела, в чужую любовь? Почему я знаю, какого рода эта любовь? Может быть, и в самом Лучкове...» – Нет! нет!– говорил он вслух, с досадой, почти со слезами, поправляя подушки, – этот человек камень...

– Я сам виноват... я потерял друга... Хорош друг! Хороша и она!.. Какой я гадкий эгоист! – Нет, нет!! от глубины души желаю им счастья... Счастья! да он смеется над ней!.. И зачем он себе усы красит? Уж, право, кажется... Ах, как я смешон! – твердил он засыпая.

VII

На другой день, утром, Кистер поехал к Перекатовым. При свидании и Кистер заметил большую перемену в Маше, и Маша нашла в нем перемену; но промолчали оба. Все утро им было, против обыкновения, неловко. Дома Кистер приготовил было множество двусмысленных речей и намеков, дружеских советов... но все эти приготовления оказались совершенно бесполезными. Маша смутно чувствовала, что Кистер за ней наблюдает; ей казалось, что он с намерением значительно произносит иные слова; но она также чувствовала в себе волнение и не верила своим наблюдениям. «Как бы он не вздумал остаться до вечера!» – беспрестанно думала она и старалась дать ему понять, что он лишний. С своей стороны, Кистер принимал ее неловкость, ее тревогу за очевидные признаки любви, и чем более он за нее боялся, тем менее решался говорить о Лучкове; а Маша упорно молчала о нем. Тяжело было бедному Федору Федоровичу. Он начинал наконец понимать собственные чувства. Никогда Маша ему не казалась милей. Она, видимо, не спала во всю ночь. Легкий румянец пятнами выступал на ее бледном лице; стан слегка сгибался, невольная томная улыбка не сходила с губ; изредка пробегала дрожь по ее побледневшим плечам; взгляды тихо разгорались и быстро погасали... Ненила Макарьевна подседа к ним и, может быть, с намерением упомянула об Авдее Ивановиче. Но Маша в присутствии матери вооружилась *jusqu'aux dents*¹³, как говорят французы, и не выдала, себя нисколько. Так прошло все утро.

– Вы обедаете у нас?– спросила Ненила Макарьевна Кистера.

Маша отвернулась.

– Нет, – поспешно произнес Кистер и взглянул на Машу. – Вы меня извините... обязанности службы...

Ненила Макарьевна изъявила свое сожаление, как водится; вслед за ней изъявил что-то г. Перекатов. «Я никому не хочу мешать, – хотел сказать Кистер Маше, проходя мимо, но вместо того наклонился, шепнул: – Будьте счастливы... прощайте... берегитесь...» – и скрылся.

Маша вздохнула от глубины души, а потом испугалась его отъезда. Что ж ее мучило? любовь или любопытство? Бог знает; но, повторяем, одного любопытства достаточно было, чтобы погубить Еву.

VIII

Долгим Лугом называлась широкая и ровная поляна на правой стороне речки Снежинки, в версте от имения гг. Перекатовых. Левый берег, весь покрытый молодым густым дубняком, круто возвышался над речкой, почти заросшей лозняками, исключая небольших «заводей», пристанища диких уток. В полуверсте от речки, по правую же сторону

---

¹³ ... *jusqu'aux dents* – до зубов.

Долгого Луга, начинались покатые, волнистые холмы, редко усеянные старыми березами, кустами орешника и калины.

Солнце садилось. Мельница шумела и стучала вдали, то громче, то тише, смотря по ветру. Господский табун лениво бродил по лугу; пастух шел, напевая, за стадом жадных и пугливых овец; сторожевые собаки со скуки гнались за воронами. По роще ходил, скрестя руки, Лучков. Его привязанная лошадь уже не раз отозвалась нетерпеливо на звонкое ржание жеребят и кобыл. Авдей злился и робел, по обыкновению. Еще не уверенный в любви Маши, он уже сердился на нее, досадовал на себя... но волнение в нем заглушало досаду. Он остановился наконец перед широким кустом орешника и начал хлыстиком сбивать крайние листья...

Ему послышался легкий шум... он поднял голову... В десяти шагах от него стояла Маша, вся раскрасневшаяся от быстрой ходьбы, в шляпке, но без перчаток, в белом платье, с наскоро завязанным платочком на шее. Она проворно опустила глаза и тихо покачнулась...

Авдей неловко и с натянутой улыбкой подошел к ней.

– Как я счастлив... – начал было он едва внятно.

– Я очень рада... вас встретить... – задыхаясь, перебила его Маша. – Я обыкновенно гуляю здесь по вечерам... и вы...

Но Лучков не умел даже пощадить ее стыдливости, поддержать ее невинную ложь.

– Кажется, Марья Сергеевна, – промолвил он с достоинством, – вам самим угодно было...

– Да... да... – торопливо возразила Маша. – Вы желали меня видеть, вы хотели... – Голос ее замер. Лучков молчал. Маша робко подняла глаза.

– Извините меня, – начал он, не глядя на нее, – я человек простой и не привык объясняться... с дамами... Я... я желал вам сказать... но, кажется, вы не расположены меня слушать...

– Говорите...

– Вы приказываете... Ну, так скажу вам откровенно, что уже давно, с тех пор как я имел честь с вами познакомиться...

Авдей остановился. Маша ждала конца речи.

– Впрочем, я не знаю, для чего это все вам говорю... Своей судьбы не переменишь...

– Почему знать...

– Я знаю! – мрачно возразил Авдей. – Я привык встречать ее удары!

Маше показалось, что теперь по крайней мере не следовало Лучкову жаловаться на судьбу.

– Есть добрые люди на свете, – с улыбкой заметила она, – даже слишком добрые...

– Я понимаю вас, Марья Сергеевна, и, поверьте, умею ценить ваше расположение... Я... я... Вы не рассердитесь?

– Нет... Что вы хотите сказать?

– Я хочу сказать... что вы мне нравитесь... Марья Сергеевна, чрезвычайно нравитесь...

– Я очень вам благодарна, – с смущением перебила его Маша; сердце ее сжалось от ожидания и страха. – Ах, посмотрите, господин Лучков, – продолжала она, – посмотрите, какой вид!

Она указала ему на луг, весь испещренный длинными, вечерними тенями, весь алеющий на солнце.

Внутренне обрадованный внезапной переменой разговора, Лучков начал «любоваться» видом. Он стал подле Маши...

– Вы любите природу? – спросила она вдруг, быстро повернув головку и взглянув на него тем дружелюбным, любопытным и мягким взглядом, который, как звенящий голосок, дается только молодым девушкам.

– Да... природа... конечно... – пробормотал Авдей. – Конечно... вечером приятно гулять, хотя, признаться, я солдат, и нежности не по моей части.

Лучков часто повторял, что он «солдат». Настало небольшое молчание. Маша

продолжала глядеть на луг.

«Не уйти ли? – подумал Авдей. – Вот вздор! Смелей!..» – Марья Сергеевна... – заговорил он довольно твердым голосом.

Маша обернулась к нему.

– Извините меня, – начал он как бы шутя, – но позвольте, с моей стороны, узнать, что вы думаете обо мне, чувствуете ли какое-нибудь... этакое... расположение к моей особе?

«Боже мой, как он неловок!» – сказала про себя Маша.

– Знаете ли вы, господин Лучков, – отвечала она ему с улыбкой, – что не всегда легко дать решительный ответ на решительный вопрос?

– Однако...

– Да на что вам?

– Да я, помилуйте, желаю знать...

– Но... Правда ли, что вы большой дуэлист? Скажите, правда ли, – промолвила Маша с робким любопытством, – говорят, вы уже не одного человека убили?

– Случалось, – равнодушно возразил Авдей и погладил усы.

Маша пристально посмотрела на него.

– Вот этой рукой... – прошептала она.

Между тем кровь разгорелась в Лучкове. Уже более четверти часа молодая хорошенькая девушка вертелась перед ним...

– Марья Сергеевна, – заговорил он опять резким и странным голосом, – вы теперь знаете мои чувства, знаете, зачем я желал вас видеть... Вы были столько добры... Скажите же и вы мне наконец, чего я могу надеяться...

Маша вертела в руках полевую гвоздику... Она взглянула сбоку на Лучкова, покраснела, улыбнулась, сказала: «Какие вы пустяки говорите», – и подала ему цветок.

Авдей схватил ее за руку.

– Итак, вы меня любите! – воскликнул он. Маша вся похолодела от испуга. Она не думала признаваться Авдею в любви; она сама еще, наверное, не знала, любит ли она его, и вот уж он ее предупреждает, насильно заставляет высказаться – стало быть, он ее не понимает... Эта мысль быстрее молнии сверкнула в голове Маши. Она никак не ожидала такой скорой развязки... Маша, как любопытный ребенок, целый день себя спрашивала: «Неужели Лучков меня любит?» – мечтала о приятной вечерней прогулке, почтительных и нежных речах, мысленно кокетничала, приучала к себе дикаря, позволяла при прощанье поцеловать свою руку... и вместо того...

Вместо того она вдруг почувствовала у себя на щеке жесткие усы Авдея...

– Будемте счастливы, – шептал он, – ведь только есть одно счастье на земле!..

Маша вздрогнула, с ужасом отбежала в сторону и, вся бледная, остановилась, опираясь рукой о березу. Авдей смешался страшно.

– Извините меня, – бормотал он, подвигаясь к ней, – я, право, не думал...

Маша молча, во все глаза, глядела на него... Неприятная улыбка кривила его губы... красные пятна выступили на его лице...

– Чего же вы боитесь? – продолжал он, – велика важность? Ведь между нами уже все... того...

Маша молчала.

– Ну, полноте!.. что за глупости? это только так... Лучков протянул к ней руку...

Маша вспомнила Кистера, его «берегитесь», замерла от страха и довольно визгливым голосом закричала:

– Танюша!

Из-за орехового куста вынырнуло круглое лицо горничной... Авдей потерялся совершенно. Успокоенная присутствием своей прислужницы, Маша не тронулась с места. Но бретер весь затрепетал от прилива злости; глаза его съежились; он стиснул кулаки и судорожно захохотал.

– Bravo! bravo! Умно – нечего сказать! – закричал он. Маша остолбенела.

– Вы, я вижу, приняли все меры предосторожности, Марья Сергеевна? Осторожность никогда не мешает. Каково? В наше время барышни дальновиднее стариков. Вот тебе и любовь!

– Я не знаю, господин Лучков, кто вам дал право говорить о любви... о какой любви?

– Как кто? Да вы сами! – перебил ее Лучков, – вот еще! – Он чувствовал, что портит все дело, но не мог удержаться.

– Я поступила необдуманно, – проговорила Маша. – Я снизошла на вашу просьбу в надежде на вашу *la politesse*... да вы не понимаете по-французски, – на вашу вежливость...

Авдей побледнел. Маша поразила его в самое сердце.

– Я не понимаю по-французски... может быть; но я понимаю... я понимаю, что вам угодно было смеяться надо мной...

– Совсем нет, Авдей Иваныч... я даже очень сожалею...

– Уж, пожалуйста, не толкуйте о вашем сожалении, – с запальчивостью перебил ее Авдей, – уж от этого-то вы меня избавьте!

– Господин Лучков...

– Да не извольте смотреть герцогиней... Напрасный труд! меня вы не запугаете.

Маша отступила шаг назад, быстро повернулась и пошла прочь.

– Прикажете вам прислать вашего друга, вашего пастушка, чувствительного Сердечкина, Кистера? – закричал ей вслед Авдей. Он терял голову. – Уж не этот ли приятель?..

Маша не отвечала ему и поспешно, радостно удалялась. Ей было легко, несмотря на испуг и волнение. Она как будто пробудилась от тяжелого сна, из темной комнаты вышла на воздух и солнце... Авдей как иступленный посмотрел кругом, с молчаливым бешенством сломал молодое деревцо, вскочил на лошадь и так яростно вонзал в нее шпоры, так безжалостно дергал и крутил поводья, что несчастное животное, проскакав восемь верст в четверть часа, едва не издохло в ту же ночь...

Кистер напрасно до полуночи прождал Лучкова и на другой день утром сам отправился к нему. Денщик доложил Федору Федоровичу, что барин-де почивает и не велел никого принимать. «И меня не велел?» – «И ваше благородие не велел». Кистер с мучительным беспокойством прошелся раза два по улице, вернулся домой. Человек¹⁴ ему подал записку.

– От кого?

– От Перекатовых-с. Артемка-фалетор¹⁵ привез.

У Кистера задрожали руки.

– Приказали кланяться. Приказали ответа просить-с. Артемке прикажете дать водки-с?

Кистер медленно развернул записочку и прочел следующее:

«Любезный, добрый Федор Федорович!

Мне очень, очень нужно вас видеть. Приезжайте, если можете, сегодня. Не откажите мне в моей просьбе, прошу вас именем нашей старинной дружбы. Если б вы знали... да вы все узнаете. До свидания – не правда ли?

Marie.

P. S. Непременно приезжайте сегодня».

– Так прикажете-с Артемке-фалетору поднести водки?

Кистер долго, с изумлением посмотрел в лицо своему человеку и вышел, не сказав ни слова.

– Барин приказал тебе водки поднести и мне приказал с тобой выпить, – говорил Кистров человек Артемке-фалетору.

IX

¹⁴ *Человек* – здесь: прислуга.

¹⁵ *Фалетор* – искаж. фореитор, кучер.

Маша с таким ясным и благодарным лицом пошла навстречу Кистеру, когда он вошел в гостиную, так дружелюбно и крепко стиснула ему руку, что у него сердце забилося от радости и камень свалился с груди. Впрочем, Маша не сказала ему ни слова и тотчас вышла из комнаты. Сергей Сергеевич сидел на диване и раскладывал пасьянс. Начался разговор. Не успел еще Сергей Сергеевич с обычным искусством навести стороною речь на свою собаку, как уже Маша возвратилась с шелковым клетчатым поясом на платье, любимым поясом Кистера. Явилась Ненила Макарьевна и дружелюбно приветствовала Федора Федоровича. За обедом все смеялись и шутили; сам Сергей Сергеевич одушевился и рассказал одну из самых веселых проказ своей молодости, – причем он, как страус, прятал голову от жены.

– Пойдемте гулять, Федор Федорович, – сказала Кистеру Маша после обеда с той ласковою властью в голосе, которая как будто знает, что вам весело ей покориться. – Мне нужно переговорить с вами о важном, важном деле, – прибавила она с грациозною торжественностью, надевая шведские перчатки. Пойдешь ты с нами, papaan?

– Нет, – возразила Ненила Макарьевна.

– Да мы не в сад идем.

– А куда же?

– В Долгий Луг, в рощу.

– Возьми с собой Танюшу.

– Танюша, Танюша! – звонко крикнула Маша, легче птицы выпорхнув из комнаты.

Через четверть часа Маша шла с Кистером к Долгому Лугу. Проходя мимо стада, она покормила хлебом свою любимую корову, погладила ее по голове и Кистера заставила приласкать ее. Маша была весела и болтала много. Кистер охотно вторил ей, хотя с нетерпением ждал объяснений... Танюша шла сзади в почтительном отдалении и лишь изредка лукаво взглядывала на барышню.

– Вы на меня не сердитесь, Федор Федорович? – спросила Маша.

– На вас, Марья Сергеевна? Помилуйте, за что?

– А третьего дня... помните?

– Вы были не в духе... вот и все.

– Зачем мы идем розно? давайте мне вашу руку. Вот так... И вы были не в духе.

– И я.

– Но сегодня я в духе, не правда ли?

– Да, кажется, сегодня...

– И знаете, отчего? Оттого, что... – Маша важно покачала головой. – Ну, уж я знаю отчего... Оттого, что я с вами, – прибавила она, не глядя на Кистера.

Кистер тихонько пожал ее руку.

– А что ж вы меня не спрашиваете?.. – вполголоса проговорила Маша.

– О чем?

– Ну, не притворяйтесь... о моем письме.

– Я ждал...

– Вот оттого мне и весело с вами, – с живостию перебила его Маша, – оттого, что вы добрый, нежный человек, оттого, что вы не в состоянии... *Parce que vous êtes polis*¹⁶. Вам это можно сказать: вы понимаете по-французски.

Кистер понимал по-французски, но решительно не понимал Маши.

– Сорвите мне этот цветок, вот этот... какой хорошенький! – Маша полюбовалась им и вдруг, быстро высвободив свою руку, с заботливой улыбкой начала осторожно вдевать гибкий стебелек в петлю Кистерова сюртука. Ее тонкие пальцы почти касались его губ. Он посмотрел на эти пальцы, потом на нее. Она кивнула головой, как бы говоря: можно... Кистер нагнулся и поцеловал кончики ее перчаток.

Между тем они приблизились к знакомой роще. Маша вдруг стала задумчивее и

---

¹⁶ *Parce que vous êtes polis*. – потому что вы вежливы.

наконец замолчала совершенно. Они пришли на то самое место, где ожидал ее Лучков. Измятая трава еще не успела приподняться; сломанное деревцо уже успело завянуть, листочки уже начинали свертываться в трубочки и сохнуть. Маша посмотрела кругом и вдруг обратилась к Кистеру:

– Знаете ли вы, зачем я вас привела сюда?

– Нет, не знаю.

– Не знаете?.. Отчего вы мне ничего не сказали сегодня о вашем приятеле, господине Лучкове? Вы всегда его так хвалите...

Кистер опустил глаза и замолчал.

– Знаете ли, – не без усилия произнесла Маша, – что я ему назначила вчера... здесь... свиданье?

– Я это знал, – глухо возразил Кистер.

– Знали?.. А! теперь я понимаю, почему третьего дня... Господин Лучков, видно, поспешил похвастаться своей победой.

Кистер хотел было ответить...

– Не говорите, не возражайте мне ничего... Я знаю – он ваш друг; вы в состоянии его защищать. Вы знали, Кистер, знали... Как же вы не помешали мне сделать такую глупость? Как вы не выдрали меня за уши, как ребенка? Вы знали... и вам было все равно?

– Но какое право имел я...

– Какое право!.. право друга. Но и он ваш друг... Мне совестно, Кистер... Он ваш друг... Этот человек обошелся со мной вчера так...

Маша отвернулась. Глаза Кистера вспыхнули: он побледнел.

– Ну, полноте, не сердитесь... Слышите, Федор Федорыч, не сердитесь. Все к лучшему. Я очень рада вчерашнему объяснению... именно объяснению, – прибавила Маша. – Для чего, вы думаете, я заговорила с вами об этом? Для того чтоб пожаловаться на господина Лучкова? Полноте! Я забыла о нем. Но я виновата перед вами, мой добрый друг... Я хочу объясниться, попросить вашего прощенья... вашего совета. Вы приучили меня к откровенности; мне легко с вами... Вы не какой-нибудь господин Лучков!

– Лучков неловок и груб, – с трудом выговорил Кистер, – но...

– Что: но? Как вам не стыдно говорить: но? Он груб, неловок, и зол, и самолюбив... Слышите: и, а не но.

– Вы говорите под влиянием гнева, Марья Сергеевна, – грустно промолвил Кистер.

– Гнева? Какого гнева? Посмотрите на меня: разве так гневаются? Послушайте, – продолжала Маша, – думайте обо мне, что вам угодно... но если вы воображаете, что я сегодня кокетничаю с вами из мести, то... то... – слезы навернулись у ней на глазах, – я рассержусь не шутя.

– Будьте со мной откровенны, Марья Сергеевна...

– О глупый человек! О недогадливый! Да взгляните на меня, разве я не откровенна с вами, разве вы не видите меня насквозь?

– Ну, хорошо... да; я верю вам, – с улыбкой продолжал Кистер, видя, с какой заботливой настойчивостью она ловила его взгляд, – ну, скажите же мне, что вас побудило назначить свидание Лучкову?

– Что? сама не знаю. Он хотел говорить со мной наедине. Мне казалось, что он все еще не имел время, случая высказаться. Теперь он высказался! Послушайте: он, может быть, необыкновенный человек, но он – глуп, право... Он двух слов сказать не умеет. Он просто невежлив. Впрочем, я даже не очень его виню... он мог подумать, что я ветреная, сумасшедшая девчонка. Я с ним почти никогда не говорила... Он точно возбуждал мое любопытство, но я воображала, что человек, который заслуживает быть вашим другом...

– Не говорите, пожалуйста, о нем как о моем друге, – перебил ее Кистер.

– Нет! нет, я не хочу вас рассорить.

– О Боже мой, я для вас готов пожертвовать не только другом, но и... Между мной и господином Лучковым все кончено! – поспешно прибавил Кистер.

Маша пристально взглянула ему в лицо.

– Ну, Бог с ним!– сказала она. – Не станемте говорить о нем. Мне вперед урок. Я сама виновата. В течение нескольких месяцев я почти каждый день видела человека доброго, умного, веселого, ласкового, который... – Маша смешалась и замешкалась, – который, кажется, меня тоже... немного... жаловал... и я, глупая, – быстро продолжала она, – предпочла ему... нет, нет, не предпочла, а...

Она потупила голову и с смущением замолчала. Кистеру становилось страшно. «Быть не может!» – твердил он про себя.

– Марья Сергеевна! – заговорил он наконец. Маша подняла голову и остановила на нем глаза, отягченные непролитыми слезами.

– Вы не угадываете, о ком я говорю? – спросила она. Едва дыша, Кистер протянул руку. Маша тотчас с жаром схватилась за нее.

– Вы мой друг по-прежнему, не правда ли?.. Что я: вы не отвечаете?

– Я ваш друг, вы это знаете, – пробормотал он.

– И вы не осуждаете меня? Вы простили мне?.. Вы понимаете меня? Вы не смеетесь над девушкой, которая накануне назначила свидание одному, а сегодня говорит уже с другим, как я говорю с вами... Не правда ли, вы не смеетесь надо мною?.. – Лицо Маши рдело; она обеими руками держалась за руку Кистера...

– Смеяться над вами, – отвечал Кистер, – я... я... да я вас люблю... я вас люблю!.. – воскликнул он. Маша закрыла себе лицо.

– Неужели ж вы давно не знаете, Марья Сергеевна, что я люблю вас?

X

Три недели после этого свиданья Кистер сидел один в своей комнате и писал следующее письмо к своей матери:

«Любезная матушка!

Спешу поделиться с вами большой радостью: я женюсь. Это известие вас, вероятно, только потому удивит, что в прежних моих письмах я даже не намекал на такую важную перемену в моей жизни, – а вы знаете, что я привык делиться с вами всеми моими чувствами, моими радостями и печалью. Причины моего молчания объяснить вам легко. Во-первых, я только недавно сам узнал, что я любим; а во-вторых, с моей стороны, я тоже недавно почувствовал всю силу собственной привязанности. В одном из первых моих писем отсюда я вам говорил о Перекатовых, наших соседях; я женюсь на их единственной дочери, Марии. Я твердо уверен, что мы оба будем счастливы; она возбудила во мне не мгновенную страсть, но глубокое, искреннее чувство, в котором дружба слилась с любовью. Ее веселый, кроткий нрав вполне соответствует моим наклонностям. Она образованна, умна, прекрасно играет на фортепьяно... Если б вы могли ее видеть!! Посылаю вам ее портрет, мною нарисованный. Нечего, кажется, и говорить, что она во сто раз лучше своего портрета. Маша вас уже любит, как дочь, и не дождется дня свидания с вами. Я намерен выйти в отставку, поселиться в деревне и заняться хозяйством. У старика Перекатова четыреста душ в отличном состоянии. Вы видите, что и с этой, материальной, стороны нельзя не похвалить моего решения. Я беру отпуск и еду в Москву и к вам. Ждите меня недели через две, не более. Милая, добрая маменька – как я счастлив!.. Обнимите меня...» и т. д.

Кистер сложил и запечатал письмо, встал, подошел к окну, выкурил трубку, подумал немного и вернулся к столу. Он достал небольшой листок почтовой бумаги, тщательно обмакнул перо в чернила, но долго не начинал писать, хмурил брови, поднимал глаза к потолку, кусал конец пера... Наконец он решился – и в течение четверти часа сочинил следующее послание:

«Милостивый государь Авдей Иванович!

Со дня вашего последнего посещения (то есть в течение трех недель) вы мне не кланяетесь, не говорите со мной и как бы избегаете моей встречи. Всякий человек,

бесспорно, в своих поступках волен; вам угодно было прекратить наше знакомство – и я, поверьте, не обращаюсь к вам с жалобой на вас же самих; я не намерен и не привык навязываться кому бы то ни было; мне довольно сознания моей правоты. Я пишу к вам теперь – по чувству долга. Я сделал предложение Марье Сергеевне Перекатовой и получил ее согласие, а также и согласие ее родителей. Сообщаю это известие – прямо и непосредственно вам, для избежания всяких недоразумений и подозрений. Откровенно признаюсь вам, М. Г., что я не могу слишком заботиться о мнении человека, который сам не обращает малейшего внимания на мнения и чувства других людей, и пишу к вам единственно потому, что в этом случае я не хочу даже подать вида, как будто поступал или поступаю украдкой. Смею сказать: вы меня знаете – и не припишете моего теперешнего поступка какому-нибудь другому, дурному чувству. В последний раз говоря с вами, не могу не пожелать вам, в память нашей прежней дружбы, всевозможных земных благ.

С истинным уважением остаюсь, М. Г., ваш покорный слуга
Федор Кистер».

Федор Федорович отправил эту записку по адресу, оделся и велел заложить себе коляску. Веселый и беззаботный, ходил он, напевая, по своей комнатке, подпрыгнул даже два раза, свернул тетрадь романсов в трубочку и перевязал ее голубой ленточкой... Дверь отворилась – и в сюртуке, без эполет, с фуражкой на голове, вошел Лучков. Изумленный Кистер остановился среди комнаты, не доделав розетки.

– Вы женитесь на Перекатовой? – спросил спокойным голосом Авдей.

Кистер вспыхнул.

– Милостивый государь, – начал он, – входя в комнату, порядочные люди снимают шапку и здороваются.

– Извините-с, – отрывисто возразил бретер, и снял фуражку. – Здравствуйте.

– Здравствуйте, господин Лучков. Вы меня спрашиваете, женюсь ли я на девице Перекатовой? Разве вы не прочли моего письма?

– Я ваше письмо прочел. Вы женитесь. Поздравляю.

– Принимаю ваше поздравление и благодарю вас. Но я должен ехать.

– Я желал бы объясниться с вами, Федор Федорыч.

– Извольте, с удовольствием, – отвечал добряк. – Я, признаться, ждал этого объяснения. Ваше поведение со мной так странно, и я, с своей стороны, кажется, не заслуживал... по крайней мере не мог ожидать... Но не угодно ли вам сесть? Не хотите ли трубки?

Лучков сел. В его движениях замечалась усталость. Он повел усами и поднял брови.

– Скажите, Федор Федорыч, – начал он наконец, – зачем вы так долго со мной притворялись?

– Как это?

– Зачем вы прикидывались таким... безукоризненным созданием, когда вы такой же человек, как и все мы, грешные?

– Я вас не понимаю... Уж не оскорбил ли я вас чем-нибудь?..

– Вы меня не понимаете... положим. Я постараюсь говорить яснее. Скажите мне, например, откровенно: давно вы чувствовали расположение к девице Перекатовой или вспыхнули страстью внезапной?

– Я бы не желал говорить с вами, Авдей Иваныч, о моих отношениях к Марье Сергеевне, – холодно отвечал Кистер.

– Так-с. Как угодно. Только вы уж сделайте одолжение, позвольте мне думать, что вы меня дурачили.

Авдей говорил очень медленно и с расстановкой.

– Вы не можете этого думать, Авдей Иваныч; вы меня знаете.

– Я вас знаю?.. кто вас знает? Чужая душа – темный лес, а товар лицом показывается. Я знаю, что вы читаете немецкие стихи с большим чувством и даже со слезами на глазах; я

знаю, что на стенах своей квартиры вы развесили разные географические карты; я знаю, что вы содержите свою персону в опрятности; это я знаю... а больше я ничего не знаю...

Кистер начал сердиться.

– Позвольте узнать, – спросил он наконец, – какая цель вашего посещения? Вы три недели со мной не кланялись, а теперь пришли ко мне, кажется, с намерением трунить надо мной. Я не мальчик, милостивый государь, и не позволю никому...

– Помилуйте, – перебил его Лучков, – помилуйте, Федор Федорович, кто осмелится трунить над вами? Я, напротив, пришел к вам с покорнейшей просьбой, а именно: сделайте милость, растолкуйте мне ваше поведение со мною. Позвольте спросить: не вы ли насильно меня познакомили, с семейством Перекатовых? Не вы ли уверяли вашего покорного слугу, что он расцветет душой? Не вы ли, наконец, свели меня с добродетельной Марьей Сергеевной? Почему же мне не предполагать, что вам я обязан тем последним, приятным объяснением, о котором вас уже, вероятно, надлежащим образом известили? Жениху ведь невеста все рассказывает, особенно свои невинные проделки. Почему же мне не думать, что по вашей милости мне наклеили такой великолепный нос? Вы ведь такое принимали участие в моем «расцветанье»!

Кистер прошелся по комнате.

– Послушайте, Лучков, – сказал он наконец, – если вы действительно, не шутя, убеждены в том, что вы говорите, – чему я, признаюсь, не верю, – то позвольте вам сказать: стыдно и грешно вам так оскорбительно толковать мои поступки и мои намерения. Я не хочу оправдываться... Я обращаюсь к вашей собственной совести, к вашей памяти.

– Да; я помню, что вы беспрестанно перешептывались с Марьей Сергеевной. Сверх того, позвольте мне опять-таки спросить у вас: не были ли вы у Перекатовых после известного разговора со мной? После этого вечера, когда я, как дурак, разболтался с вами, с моим лучшим другом, о назначенном свиданье?

– Как! вы подозреваете меня в...

– Я ни в чем не подозреваю другого, – с убийственной холодностью прервал его Авдей, – в чем я самого себя не подозреваю; но я также имею слабость думать, что другие люди не лучше меня.

– Вы ошибаетесь, – с запальчивостью возразил Кистер, – другие люди лучше вас.

– С чем честь имею их поздравить, – спокойно заметил Лучков, – но...

– Но, – прервал его в свою очередь раздосадованный Кистер, – вспомните, в каких выражениях вы мне говорили об... этом свиданье, о... Впрочем, эти объяснения ни к чему не поведут, я вижу... Думайте обо мне, что вам угодно, и поступайте, как знаете.

– Вот этак-то лучше, – заметил Авдей. Насилу-то заговорили откровенно.

– Как знаете! – повторил Кистер.

– Я понимаю ваше положение, Федор Федорыч, – с притворным участием продолжал Авдей. Оно неприятно, действительно неприятно. Человек играл, играл роль, и никто не замечал в нем актера; вдруг...

– Если б я мог думать, – перебил его, стиснув зубы, Кистер, – что в вас говорит теперь оскорбленная любовь, я бы почувствовал к вам сожаленье; я бы извинил вас... Но в ваших упреках, в ваших клеветах слышится один крик уязвленного самолюбия... и я не чувствую к вам никакой жалости... Вы сами заслужили вашу участь.

– Фу ты, Боже мой, как говорит человек! – заметил вполголоса Авдей. Самолюбие, – продолжал он, – может быть; да, да, самолюбие во мне, как вы говорите, уязвлено глубоко, нестерпимо. Но кто же не самолюбив? Не вы ли? Да; я самолюбив и, например, никому не позволю сожалеть обо мне...

– Не позволите? – гордо возразил Кистер. – Что за выражение, милостивый государь! Не забудьте: связь между нами разорвана вами самими. Прошу вас обращаться со мною, как с посторонним человеком.

– Разорвана! Связь разорвана! – повторил Авдей. – Поймите меня: я с вами не кланялся и не был у вас из сожаления к вам; ведь вы позволите мне сожалеть о вас, коли вы обо мне

сожалеете!.. Я не хотел поставить вас в ложное положение, возбудить в вас угрызение совести... Вы толкуете о нашей связи... как будто бы вы могли остаться моим приятелем по-прежнему после вашей свадьбы! Полноте! Вы и прежде-то со мной знали только для того, чтоб тешиться вашим мнимым превосходством...

Недобросовестность Авдея утомляла, возмущала Кистера.

– Прекратимте такой неприятный разговор! – воскликнул он наконец. – Я признаюсь, не понимаю, зачем вам угодно было ко мне пожаловать,

– Вы не понимаете, зачем я к вам пришел? – с любопытством спросил Авдей.

– Решительно не понимаю.

– Не...ет?

– Да говорят вам...

– Удивительно!.. Это удивительно! Кто бы этого ожидал от человека с вашим умом!

– Ну, так извольте ж объясниться наконец...

– Я пришел, господин Кистер, – проговорил Авдей, медленно поднимаясь с места, – я пришел вас вызвать на дуэль, понимаете ли вы? Я хочу драться с вами. А! Вы думали так-таки от меня отделаться! Да разве вы не знали, с каким человеком имеете дело? Позволил ли бы я...

– Очень хорошо-с, – холодно и отрывисто перебил его Кистер. – Я принимаю ваш вызов. Извольте прислать ко мне вашего секунданта.

– Да, да, – продолжал Авдей, которому, как кошке, жаль было так скоро расстаться с своей жертвой, – я, признаться, с большим удовольствием наведу завтра дуло моего пистолета на ваше идеальное и белокурое лицо.

– Вы, кажется, ругаетесь после вызова, – с презреньем возразил Кистер. – Извольте идти. Мне за вас совестно.

– Известное дело: деликатесе!.. А, Марья Сергевна! я не понимаю по-французски! – проворчал Авдей, надевая фуражку. – До приятного свидания, Федор Федорыч!

Он поклонился и вышел.

Кистер несколько раз прошелся по комнате. Лицо его горело, грудь высоко поднималась. Он не робел и не сердился; но ему гадко было подумать, какого человека он считал некогда своим другом. Мысль о поединке с Лучковым его почти радовала. Разом отделаться от своего прошедшего, перескочить через этот камень и поплыть потом по безмятежной реке... «Прекрасно, – думал он, – я завоюю свое счастье. – Образ Маши, казалось, улыбался ему и сулил победу. – Я не погибну! нет, я не погибну!» – твердил он с спокойной улыбкой. На столе лежало письмо к его матери... Сердце в нем сжалось на мгновение. Он решил на всякий случай подождать отсылкой. В Кистере происходило то возвышение жизненной силы, которое человек замечает в себе перед опасностью. Он спокойно обдумывал всевозможные последствия поединка, мысленно подвергал себя и Машу испытаниям несчастья и разлуки – и глядел на будущее с надеждой. Он давал себе слово не убить Лучкова... Неотразимо влекло его к Маше. Он сыскал секунданта, наскоро устроил свои дела и тотчас после обеда уехал к Перекатовым. Весь вечер Кистер был весел, может быть, слишком весел.

Маша много играла на фортепьянах, ничего не предчувствовала и мило с ним кокетничала. Сперва ее беспечность огорчала его, потом он эту самую беспечность Маши принял за счастливое предсказание – и обрадовался и успокоился. Она с каждым днем более и более к нему привязывалась; потребность счастья в ней была сильнее потребности страсти. Притом Авдей отучил ее от всех преувеличенных желаний, и она с радостью и навсегда отказалась от них. Ненила Макарьевна любила Кистера как сына. Сергей Сергеевич, по привычке, подражал своей жене.

– До свидания, – сказала Кистеру Маша, проводив его до передней и с тихой улыбкой глядя, как он нежно и долго целовал ее руки.

– До свидания, – с уверенностью возразил Федор Федорович, – до свидания.

Но, отъехав с полверсты от дома Перекатовых, он приподнялся в коляске и с смутным

беспокойством стал искать глазами освещенные окна... В доме все было уже темно, как в могиле.

XI

На другой день, в одиннадцатом часу утра, секунданта Кистера, старый, заслуженный майор, заехал за ним. Добрый старик ворчал и кусал свои седые усы, сулил всякую пакость Авдею Ивановичу... Подали коляску. Кистер вручил майору два письма: одно к матери, другое к Маше.

– Это зачем?

– Да нельзя знать...

– Вот вздор! мы его подстрелим, как куропатку.

– Все же лучше...

Майор с досадой сунул оба письма в боковой карман своего сюртука.

– Едем.

Они отправились. В небольшом лесу, в двух верстах от села Кириллова, их дожидался Лучков с своим секундantom, прежним своим приятелем, раздушенным полковым адъютантом. Погода была прекрасная; птицы мирно чирикали; невдалеке от леса мужик пахал землю. Пока секунданта отмеривали расстояние, устанавливали барьер, осматривали и заряжали пистолеты, противники даже не взглянули друг на друга. Кистер с беззаботным видом прохаживался взад и вперед, помахивая сорванной веткою; Авдей стоял неподвижно, скрестя руки и нахмуря брови. Наступило решительное мгновение. «Начинайте, господа!» Кистер быстро подошел к барьеру, но не успел ступить еще пяти шагов, как Авдей выстрелил. Кистер дрогнул, ступил еще раз, зашатался, опустил голову... Его колени подогнулись... он, как мешок, упал на траву. Майор бросился к нему... «Неужели?» – шептал умирающий...

Авдей подошел к убитому. На его сумрачном и похудевшем лице выразилось свирепое, ожесточенное сожаление... Он поглядел на адъютанта и на майора, наклонил голову, как виноватый, молча сел на лошадь и поехал шагом прямо на квартиру полковника.

Маша... жива до сих пор.